

ДВЕ ИПОСТАСИ

Переводит поэтов – это всегда искусство. В переводчике происходит сложная, невидимая миру борьба, перед ним стоят как бы две ипостаси: точность, научность перевода и его совершенство художественное, поэтичность. Выразить себя, сделать «чужую» вещь фактом «своей» поэзии как и поэзии вообще. Вот и ищет переводчик ключ к языку оригинала, к литературному направлению, к самому автору, к данному его стихотворению.

Профессиональные переводчики, как правило, делают это точнее, академичнее. Тогда как у поэта – переводчика всегда романтизм, состязание с автором.

Напомним, французский язык – аналитический, русский же – синтаксический.

Первая строка.

Вот стихотворение «Томление» Поля Верлена. Вот первая строка из него в различных переводах.

У Иннокентия Анненского:

«Я – бледный римлянин эпохи Апостата».

У Бориса Пастернака:

«Я – римский мир периода упадка».

У Эльвиры Линецкой:

«Я – Рим, державный Рим в часы перед развязкой».

У современного поэта Леонарда Золотарева:

«Я – вечный Рим перед своей кончиной».

Первая, запевная строка определяет тон. У Анненского – цвет лица римлянина, нестерпимый венок в сочетании с остраннением эпохи, внесением собственного «Апостата» вызывает световые, цветовые, ароматические ассоциации. И все это, в конце концов, напоминает отсвет серебра при отдаленном мерцании свечи. Красиво, благородно, максимально приближено к замыслу. Как известно, Верлен воспринял концепцию Бодлера о соответствии звука и запаха. И потому поэзия Верлена в переводе Анненского воздействует на наши органы чувств.

Первая строка у Пастернака – это уже не оттенки, а слова- монологи, слова – глыбы, философские категории. Сама фонетика, взаимосвязь буквы «р» со смыслом фразы, в конце которой – выпадение буквы как падение силы. Далее по

тексту все это сохранено и укрупнено.

У переводчика Линецкой градация не усиливает, скорее наоборот, своей затянутостью ослабляет драматизм, сопряженность фразы, которая завершается еще менее эпохально словом «часы» в сочетании с еще менее поэтичным словом «развязка».

У Леонарда Золотарева, как видим, строка, организованная в контрапункте, натянута, как стрела. Она импульсивна, динамична. Вечность Системы завершается психологически через «кончину» как бы человека. И далее ключ, избранный автором, раскрывает в гибели («вечного города») психику изломанной, уставшей от всего человеческой личности.

И далее по тексту. Как живописен, элегично метафоричен Анненский в строках, перекликающихся с известным романсом («Глядя на луч пурпурного заката»):

*«Покуда портик мой от гула бойни тих,
Я стилем золотым слагаю акростих,
Где умирает блеск пурпурного заката».*

И еще далее по тексту. Римлянину, закованному по-рыцарски в медь, скука объемлет грудь, лишает всех утех жизни.

У Пастернака – со скуки душе уже «нестерпимо гадко». И нет воли на преодоление быстротекущих лет, нет нацеленности на те же радости бытия. Заметим, введение «души» углубляет переживания, подводит к психологизму.

У Линецкой – после «варваров плечистых, молодых» возникает чувство, что автор перевода все-таки женщина. И далее боевой дух строки, падая, ослабляет биоэнергетику стиха, его смысл. В конце концов, как обобщающий образ возникает «пруд, заросший нежной ряской» – этакая идиллия, начисто отсутствующая в оригинале. Итак, у Линецкой нет ни войны, ни мира. Есть лишь напоминание о гибели великого Рима. Акцент сделан на сознание бессильного, рефлектирующего, не деятельного человека.

У Л.Золотарева – за гибелью вечного Рима стоит психология, попытка средствами творчества, отработанного искусства спасти отработанную Систему. И все это параллель, не больше чем сравнение в разворачиваемой панораме изобразить битву ущербной души за спасение ущербного Рима. Как видим, сохранен смысл, образы те же, верленовские. Нет переноса мысли в другие строки.

А далее психология усилена, современна. Все нацелено на внутренний мир такими строками:

*«Пресыщенной душе все мало, все постыло.
Кровь льется – ну и что? – на рубежах.
Невесело живем. Живем, как на ножках.
Воспоминаньями о том, что было, было».*

И, наконец, о терции – трехстишии, завершающем верленовский сонет.

У Анненского – это как разрядка, желание поэта швырнуть в огонь банальные стихи. Ощущение рядом еще кого-то, муки от одиночества, от все той же желтой скуки с inferнальной – дьявольской усмешкой.

У Пастернака – те же ощущения, но переданы более резко, укрупненно, с горькой усмешкой.

У Линецкой – трехстишие в ее прежнем, ослабленном энергетически плане. Ключевыми словами можно считать «скуку вязкую», которой, кстати, то же нет в тексте оригинала.

*«Лишь глуповатый стих, - пора ему в огонь;
Лишь непутевый раб – он нас шутя обманет;
Лишь скука вязкая тихонько душу тянет».*

И вот тоже трехстишие у Л.Золотарева взорвано экспрессией, самой динамикой времени. Как окно сюда, в наши дни, психологизм в крайней степени духовного обнищания, за которой – бездна и человека, и самого времени.

*«Ну да! И стих смешон, пора ему сгореть.
И раб дрянной, бездельники мы сами.
И скука смертная, и давит тяжкий камень».*

Итак, сонет Поля Верлена, заметим, называется «Томление». Автор рисует падение вечного Рима. На самом деле, это лишь тема, внешний повод, чтобы сказать о внутреннем, главном – о состоянии души. Едва скрыто, самим названием обозначено. в конце которого падение человека в бездну, на дно провала. Кто же из переводчиков ближе всех к замыслу поэта Поля Верлена? Судите сами.